

ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ / DIALECT DICTIONARY

Диалектный словарь как источник лингвистической информации

В. Г. Дидковская

Dialect dictionary as source of linguistic information

V. G. Didkovskaya

Дидковская Виктория Генриховна – доктор филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: pobeda.49@yandex.ru

Статья поступила: 15.09.2025. Принята к печати: 24.10.2025.

В предлагаемой статье обобщены и представлены некоторые результаты одного из возможных подходов к научной интерпретации материалов Новгородского областного словаря. Автор рассматривает контексты употребления диалектного слова в словарной статье как диалектный дискурс. В совокупности они обладают такими свойствами дискурса, как целостность, коммуникативность, субъектность, связь с экстралингвистическими факторами. Предметом анализа в статье являются иллюстрирующие примеры слов тематической группы *Выпечные изделия*.

Ключевые слова: диалектный дискурс, иллюстративный контекст, словарь, тематическая группа, элементы дискурса

УДК 81'474:81'282(470.24)

Victoria G. Didkovskaya – Dr. Sci. in Philology, Associate Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2825-6409

Received: 15.09.2025. Accepted for publication: 24.10.2025.

This article summarizes and presents some results of one possible approach to the scientific interpretation of materials from the Novgorod Regional Dictionary. The author examines the contexts of dialect word use in dictionary entries as dialect discourse. Collectively, they possess such discourse properties as integrity, communicativeness, subjectivity, and connection with extralinguistic factors. The article analyzes illustrative examples of words from the thematic group *Baked Goods*.

Keywords: dialect discourse, illustrative context, dictionary, thematic group, discourse elements

OECD: 6.020Y

V

«Нет, не словарь лежит передо мной, а древняя рассыпанная повесть» – эта строчка из стихотворения С. Я. Маршака относится и к Новгородскому областному словарю, который можно рассматривать как энциклопедию, в которой собраны сведения об уходящей в прошлое духовной и материальной культуре жителей Новгородского края, отраженной в их языке, в словах и предложениях.

Но кроме того, это еще и повесть о Вере Павловне Строговой, о ее почти сорокалетних трудах (с 1958 г.) по его созданию и выходу в свет (первый выпуск в 1992 г.). Этот словарь – свидетельство ее научной добросовестности, необыкновенного трудолюбия и любви к живому слову. Я уверена, что в нем заключено еще много важных, интересных «повестей» о новгородском диалекте и его носителях (а может быть, и новых словарей), которые только нужно из него извлечь.

Постановка проблемы. Формой отражения и закрепления состояния языка и его разновидностей в разные исторические периоды являются словари. Но словари

выполняют не только функцию регистрационную и накопительную, они одновременно могут быть и являются компактной формой представления научных достижений лингвистической науки: «В конце XX в. стало очевидным, что любая лингвистическая идея может быть оформлена и представлена лексикографически» [Скляревская, 2015, с. 173]; это положение, несомненно, относится и к новым научным идеям в области теоретической и практической диалектологии.

Традиционно диалектные словари рассматриваются как источник сведений об уходящей реальности, закреплённой в лексическом составе современных диалектов. Так, Е. В. Брысина, подчеркивая высокую значимость диалектных словарей, пишет: «<...> в диалектной речи жителя сельской местности обнаруживаются уникальные черты постигаемого им мира, специфика познания и интерпретации окружающей действительности, что находит отражение прежде всего в семантике слов и фразем, номинирующих и характеризующих познанное. Это позволяет рассматривать диалектный словарь как культурно маркированный текст, концентрирующий в себе различные виды этнокультурной информации, связанной с историей, традициями, бытом народа в его прошлом и настоящем» [Брысина, 2018, с. 164]. Однако задачи научного изучения диалектной речи гораздо шире, прежде всего благодаря тем возможностям, которые предоставляют исследователям диалектные словари.

Антропоцентризм современных лингвистических исследований характеризуется усилением внимания к изучению языковой способности человека, особенностей речевого поведения людей разных территориальных, социальных, возрастных групп. В этом отношении диалектным словарям принадлежит особая роль: «Воплощая многолетний труд их составителей, словари оставляют потомкам картину живой речи народа» [Козырев, Черняк, 2016, с. 20]. Информацию об этой речи мы получаем из словника диалектного словаря, который в этом случае может быть представлен как особый тип текста. Восприятие корпуса словаря, в том числе диалектного, как текста в настоящее время уже ни у кого не вызывает возражений (работы Н. В. Большаковой, Ю. Н. Грицкевич, Т. А. Демешкина и др.), причем особое внимание лексикографы обращают на эмпирическую часть, подчеркивая ее ведущую роль в текстовой организации диалектного словаря. О. Г. Борисова отмечает: «<...> цитатный фонд не только служит дополнительным средством, подтверждающим значение лексической единицы, ее стилистические особенности, зафиксированные при помощи соответствующих помет, но и отражает в самобытной народной речи жизнь слова и жизнь человека в слове, выступая как форма вербализации регионального сознания» [Борисова, 2015б, с. 42]. Иными словами, словари фиксируют не только диалектную лексику, в них «присутствуют» сами носители диалектного материала, или, как писал А. С. Герд, «не единица языка, а человек, индивид, его поступки и действия в его отношении к языку и через язык» [Герд, 2005, с. 10]. Как следствие, оказывается возможным проследить не только то, как диалектное слово фиксируется и обрабатывается записавшим его носителем литературного языка для включения в диалектный словарь, но и выявить, как употребляют это слово в своей повседневной речи носители диалекта.

Цель нашей статьи – выявить возможности использования иллюстративных контекстов в словарных статьях Новгородского областного словаря (НОС) для изучения диалектного дискурса и его особенностей.

История вопроса. Несмотря на активное изучение словарей как самостоятельного объекта лингвистического исследования, «белым пятном при их рассмотрении оказалось осмысление ввода “оправдательных цитат” (а лучше – типизированных контекстов)» [Ильенко, 2003, с. 615]. А между тем их роль в составе словарной статьи и всего словаря значительна: «Они как бы завершают естественный лингвистический круговорот, в котором толкование значения слов, вырастая из контекстов, вновь ими подкрепляются, <...> копируя в определенном смысле путь индивидуального языкового сознания» [там же]. Для диалектной лексикографии внимание к контекстной части словарных статей является следствием формирования новых направлений изучения русской диалектологии; назовем такие, как диалектная лингвоперсонология, лингвокультурологическое, когнитивно-дискурсивное. В последнем случае исследовательское значение иллюстративного материала обусловлено тем, что он не только конкретизирует информацию, содержащуюся в диалектном слове, то есть дает представление «о жизни слова», но и позволяет получить сведения о «жизни человека в слове», то есть о том, как носители диалекта организуют свою речь в новой для них ситуации объясняющей деятельности. Об этом писала Вера Павловна Строгова в образном и поэтическом предисловии к своей книге «Как говорят в новгородском крае», вышедшей в 1991 г.: «Иллюстрации к толкуемым словам помогут вникнуть в особенности живой речи, понять красоту яркого народного слова» [Строгова, 1991, с. 4].

В исследованиях последнего десятилетия иллюстративные контексты употребления диалектного слова в словарях, даже небольшие, предлагается рассматривать в совокупности как диалектный дискурс: «Взаимосвязанные по разным основаниям, в том числе тематически, диалектные тексты, составляя корпус диалектного дискурса, репрезентируют реальность, позволяя реконструировать значимые для носителей диалекта фрагменты языковой действительности» [Грицкевич, 2017, с. 99]. Поскольку диалектный дискурс недавно стал объектом научного изучения, то его определение и описание еще находятся в стадии становления. Н. В. Большакова предлагает определять его в широком смысле с учетом общих характеристик дискурса, считая наиболее плодотворным его понимание применительно к диалектным материалам «как результата речевого поведения, который обусловлен, “как и все языковые явления, совокупностью социокультурных и ситуативных факторов, влияющих на коммуникацию”» [Большакова, 2009, с. 8]. В то же время она отмечает важнейшую, на наш взгляд, особенность диалектного дискурса: его коммуникативный дуализм, поскольку в записях диалектной речи представлены дискурсы участников коммуникации – диалектоносителя и собирателя: «В двуединстве дискурса диалектоносителя и дискурса собирателя рождается весь массив диалектных текстов, отражающих естественную народную речь» [Большакова, 2009, с. 8].

Возможности изучения диалектного дискурса с использованием диалектных словарей обусловлены самим характером иллюстрирующих примеров, представляющих собой фиксацию устной речи. Эти записи отражают черты реальной

коммуникации: внеязыковую действительность, особенности коммуникативных ролей ее участников, их социальные и возрастные характеристики и др. Т. А. Демешкина выделяет и рассматривает такие сущностные характеристики диалектного дискурса, как собственный набор речевых жанров, статусно-ролевые отношения коммуникантов, виды знаний, различные по типу получения и способам языковой обработки [Демешкина, 2017, с. 140]. Так, преобладающими в диалектном дискурсе она считает жанры Воспоминание и Биографический рассказ, отмечает эмпирический характер диалектных знаний, который отражается в преобладании событийных пропозиций, к отличительным особенностям языкового оформления диалектного текста относит ориентацию на передачу чужой речи и повествовательность [Демешкина, 2017, с. 141–143].

Отметим, что в диалектном дискурсе может содержаться информация, отражающая языковую рефлексию говорящего, возникающую, как правило, в ответах-реакциях на вопросы диалектолога: такие высказывания называют метаязыковыми. В статье «Метаязыковая рефлексия в иллюстративной зоне Новгородского областного словаря» А. В. Батулина рассматривает языковые показатели метаязыковых суждений в диалектных контекстах, которые разделяет на собственно метаоператоры, для которых метаязыковая функция является основной первичной, и аналоги метаоператоров, которые являются косвенными сигналами языковой рефлексии [Батулина, 2016, с. 8–9]. Анализ такого рода контекстов позволяет, по мнению автора, говорить о существовании в сознании носителей диалекта представлений о социальной и территориальной неоднородности языка [Батулина, 2016, с. 12].

Результаты новых исследований диалектной лексики закономерно отразились в появлении новых по целям и содержанию словарей: это не только идеографические, этнолингвистические, лингвоэтнографические словари, словари диалектной языковой личности, но и словари коммуникативного типа (дискурсивные). О. Г. Борисова, автор полисистемного «Словаря кубанских говоров», предложила для них особую форму подачи оправдательного материала в иллюстративной зоне словарной статьи – лексорассказ: «Лексорассказ представляет собой микротекст, содержание которого направлено на семантизацию, лингвистическую и экстралингвистическую презентацию входящей в него лексикографируемой лексической единицы, а также на создание общего этнокультурного фона словарной статьи» [Борисова, 2015а, с. 199].

Важнейшим источником для изучения диалектного дискурса служат не только словари, но и материалы словарных картотек, архивные материалы. Приведу одну из записей живой диалектной речи, сделанной В. П. Строговой во время диалектной экспедиции 1965 г.: *Репницу варили ис калики. Начистим калики, наливали молоком, ставили в печку и ели, жидиньки, как кисель. Мелко резали, варилась, как каша, токо репница под названием, а не каша. Чугун калики напарим в посной день, она красная спарице, слаткая. В еты годы и калики нет. На посетку две каличины принесу и едим...*

Отметим, что картотека НОС, насчитывающая более 400 000 карточек, содержит интереснейшие записи диалектной речи новгородцев в 50-е – 80-е годы прошлого века, позволяющие получить представление о состоянии новгородского региолекта этого времени.

Методология и методика исследования. Относительная новизна термина дискурс и неопределенность его содержания обусловили тот факт, что его трактовка в последние несколько десятилетий существенно менялась (см., например, обзор в [Кривошлыкова, 2010, с. 42–47]). Новейшие исследования представляют дискурс как сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы, например, знания о мире, мнения, установки, цели адресата [Прохоров, 2006, с. 20–26]. Эти свойства дискурса закреплены в известном определении дискурса Н. Д. Арутюновой: «Дискурс (от фр. *discours* – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их сознания, речь “погруженная в жизнь”» [Арутюнова, 1990, с. 136–137]. Таким образом, сущностным признаком дискурса признается его прикрепленность к определенной социальной или профессиональной среде, к определенной конкретной обстановке: «Исследователи дискурса объединены стремлением изучать не абстрактную языковую систему, а живую речь в условиях реального общения» [Кривошлыкова, 2010, с. 45]. Тем самым вполне оправданным является использования термина *диалектный дискурс* (наряду с *политический дискурс*, *дискурс детства* и др.) и выявление возможных подходов, аспектов, методов и приемов его изучения.

Объектом изучения в настоящей статье является новгородский диалектный дискурс в том виде, в каком он отражен в иллюстрирующих контекстах словарных статей НОС. Диалектный дискурс в его словарной форме образуется иллюстративной частью словарных статей, состоящей из контекстов употребления диалектного слова в устной речи информантов-диалектоносителей, записанной по определенным правилам собирателем. Уже само обозначение *новгородский диалектный дискурс* позволяет указать два его признака: локальность и региональность.

Как представляется, для изучения диалектного дискурса в словарной форме важными оказываются следующие подходы: 1) формальный, исследующий языковые единицы, образующие структуру дискурса; 2) коммуникативный, рассматривающий дискурс как передачу информации определенного содержания; 3) ситуативный или социокультурный, учитывающий обстоятельства общения, в первую очередь отношения собирателя и носителя диалекта, обусловленные их возрастными, культурными, социальными различиями и другими обстоятельствами общения. Эти подходы с разной степенью полноты реализуются при *дискурсивном анализе*, изучающем общие принципы построения дискурса. При этом учитываются не только языковые данные, но и экстралингвистические факторы (социокультурные, психологические, исторические и т. п.), обуславливающие разные типы дискурса. К методам дискурсивного анализа обычно относят анализ ключевых слов, коллокационный анализ, анализ сочетаемости, приемы статистического анализа.

В нашей статье в соответствии с особенностями объекта изучения – словарь как форма представления диалектного дискурса – ведущим методом исследования является описательно-аналитический, включающий в себя методики анализа словарных статей, компонентного анализа, приемы лингвокультурологического анализа.

Анализ материала. Источником анализируемого материала служит Новгородский областной словарь в его одготомном издании 2010 г. под редакцией С. Мызникова (далее примеры контекстов приводятся по этому изданию). Иллюстративные материалы НОС позволяют получить интересные сведения о диалектном дискурсе и его носителях: с одной стороны, в их составе выделяются примеры-высказывания, которые являются собственно фрагментами разговорной речи и выполняют коммуникативную функцию в естественной ситуации, и, с другой – высказывания диалектоносителей включают рефлексивные компоненты, содержащие оценку собственной речи.

Отметим, что способ иллюстрирования диалектного слова в словарных статьях определяется несколькими факторами – объективными (записанным от информанта диалектным контекстом) и субъективными (общими принципами использования диалектных записей, соответствующими интересам лексикографов): в НОС авторы отдавали предпочтение иллюстрациям, включающим одно или несколько предложений. Однако «даже небольшие контексты, приводимые в словарной статье <...> с учетом совокупности подобных текстов, представленной в словаре как система, дают возможность говорить о диалектном дискурсе и его особенностях» [Грицкевич, 2017, с. 98–99]. В предлагаемой статье контексты употребления одного и того же диалектного слова, имеющие разную территориальную прикрепленность, будем рассматривать как целостный текст, отражающий его роль в речи диалектоносителей.

Вместе с тем весь массив иллюстрирующих контекстов в словаре не может одномоментно стать источником для обобщений и выводов о специфике локального диалектного дискурса: это обусловлено разнообразием собранной в словаре лексики, в первую очередь ее семантикой, а также грамматическими свойствами и функциональной спецификой. Поэтому для дискурсивного анализа, как правило, привлекаются однородные языковые факты. В предлагаемой статье объектом анализа выбраны иллюстрирующие контексты слов, составляющих тематическую группу *Выпечные изделия*. Выбор этой группы обусловлен, во-первых, ее значимостью для диалектоносителей (этот вид пищи представляет собой важнейшую часть как ежедневного, так и праздничного рациона русского крестьянина, она сопровождает все важнейшие события и ритуалы в его повседневной жизни); во-вторых, слова этой группы, довольно объемной в количественном отношении (176 единиц), связаны между собой как собственно языковыми отношениями, так и экстралингвистически, что обеспечивает внутреннее единство (однотемность), которое является одним из признаков дискурса. В НОС присутствует слово общего значения, представляющее как бы имя-заглавие дискурса: **Печено** -а, ср. Выпечка. *Много и другого печева было. У нас мамушка пекла каждый день печено.*

Дискурс *Печено* представлен в материалах НОС в жанре *Кулинарный рецепт*, что обусловлено экстралингвистическим содержанием лексической группы: это рассказ о разного рода выпечных изделиях и способах их приготовления. Это обуславливает лексическое наполнение дискурса, обеспечивающее сообщение о видах выпечных изделий, продуктов из которых они изготавливаются, о действиях по их приготовлению. Информанты описывают печено по наличию / отсутствию начинки: *Это пироги безо всего, **пустяки** пекутся с одного теста **без** всякой*

начинки. Маленькие круглые пироги из квашеного, круто замешанного, густого теста, а **начинка** – варенье, это и есть **наливашки**; по виду начинки: **Бруснушки** пекли с пареной и моченой брусникой. **Сердинник** – внутрь ложили крупу и селедку; открытые / закрытые: **Кокорка** – ржаная лепешка с приподнятыми бритками, **внутрь ложат** картошку или творог, потом мажут сверху сметаной или маслом. В **преснушки** начинку кладут **сверху**, краешки, позагнут, и все, а **пресняки** так делают как пирог, **закрывают**, только из пресного теста, потому так и зовут; по виду теста: Хоть **опекиши**, хоть **пироженцы**, у огня, у пыла пекутся, опекаются огнем, **из кислого теста**. Тесто **пресное и кислое, белое и оржаное**, пекут на сковороды **покашники**.

Употребление глагольной лексики в составе высказывания вместе с зависимыми словоформами позволяют представить последовательность кулинарных действий при приготовлении выпечных изделий: *растворишь тесто, сучишь (рассучиваешь, раскатываешь) скалом (скалкой), расколотишь тесто, ложкой кладут, смазывали маслом, пекут на сковороды, начиняют, начинку кладут, завяргивали, сворачивали в трубочку.*

Тип исследуемых контекстов можно определить как автобиографические воспоминания, что является общим признаком записей диалектной речи: *Теперь не знаю, что и поисть. Раньше-то с оржаной муки калиточки с картошкой по воскресеньям пекли, а с творогом-то все больше по праздникам. Мама каждую субботу напечет опекишей, то-то любили мы их.* Рассказчик актуализирует в повествовании план прошлого, соотнося его с настоящим; функцию актуализатора в рассмотренных контекстах выполняет, как правило, детерминант *раньше, ране, прежде*, бывало: **Раньше-то** у нас русская печь была. **Раньше** пекли пироги собинники, очень вкусные, с начинкой. **Прежде** с гороховой муки на холодной воды тропанцы пекли. Лепешки с мятиной, со стрекавой, с голеницей, гороховые тропанцы пекли **ране**. Мать, **бывало**, рано утром встанет, напечет из толченой картошки сканцев.

Отметим использование в высказываниях глагольных временных форм будущего времени для обозначения события в прошлом: *Мать, **бывало**, рано утром встанет, напечет...* Формы будущего времени в таких контекстах употребляются в значении настоящего неактуального (абстрактного), называющего обычные, типичные действия, в приведенном высказывании связанные с действием в прошлом. В отдельных контекстах можно предположить «скрытую историчность» глагольных форм будущего времени: *Сядешь за чай, когда придешь с церкви, а на столе и картошнички, и кокорочки, и поливальники на столе, оны политы маслом, пироги-то эти.* В такой конструкции свободно допускается вставка конкретизатора *бывало*: *Бывало, сядешь за чай...* Кроме того, в этом речевом фрагменте можно отметить совмещение трех временных планов повествования, например, будущего неактуального у глаголов в сочетании с причастной формой прошедшего времени и значения синтаксического настоящего в неполном предложении. Особенно интересны контексты, передающие живое восприятие распределения событий во времени с точки зрения рассказчика: ***Бывало**, по целому тыквеннику **съедали**, а теперь и не хочется.* В итоге, как пишет В. Е. Гольдин, «создается феномен

“мерцания” – прошлого / настоящего; вневременного / сиюминутного, другими словами, наблюдается как раз то, что типично для диалектного повествования – совмещение ситуации темы с ситуацией текущего общения» [Гольдин, 2009, с. 5].

Свойством диалектного кулинарного дискурса, как показали наблюдения, является отсутствие императивных конструкций, характерных для поваренных книг и кулинарий. В нашем материале найден только один контекст с инфинитивом с модальным значением рекомендации: *Свежую рыбу перво **ужарить**, а потом **класть**, а подольше посидит и испечется*. Кроме того, в отличие от книжных рецептов, кулинарные рассказы диалектного дискурса отличаются явной или скрытой диалогичностью, так как рассказчик обозначает свое участие в приготовлении печева и адресует свой рассказ слушателю-собирателю. Во втором случае описание процесса приготовления выпечки дополняется традиционной формулой приглашения к трапезе: *Бабахи и с картошки пекут, оны на блины похожи. **Садись есть бабахи**, только из печки, горячие. **Сканцы** – картофельные пироги. **Поешь садись**, у меня сегодня сканцы с капустой настряпаны*.

Ведущей особенностью анализируемого коллективного дискурса является его субъектность. Это свойство диалектного дискурса отмечается во всех работах, посвященных диалектному повествованию (см., например, [Гольдин, 2009; Большакова, 2009; Демешкина, 2017]). В центре повествования всегда оказывается сам рассказчик, так как, по замечанию В. Е. Гольдина, диалектное повествование никогда не отвлекается от субъектов ситуации-события. Заметим, однако, что способы проявления субъекта-повествователя в диалектных контекстах не ограничиваются только формами глагола. Безусловно, они являются самым очевидным и определенным средством формирования субъектности: форма 1 лица глагола относит действие к самому субъекту речи: *Завтра пережеников вам **напеку**. **Раскатаю** лепешку, из тыквы мездру **выну**, этаку мездру коровы, тыкву очистим да перерубим да кладем в пирог, это тыквенник. Скоро **буду** бабахи **печь***. Однако самыми частотными в иллюстративных материалах оказались контексты с обобщенным (***Рассучишь** тесто, скалка така, **подсыпешь** каши или крупы, рыбу **начистишь**, **прорежешь**, **положишь** и **зашьешь**, чтобы она прела, не было дырочки чтоб, на под клали, если под жаром...; **Растолкешь** такую лепеху, а потом, немного в печи **попечешь**; **накладываешь** картошки, или творогу, **сворачиваешь** пополам и **мажешь** маслом, **попечешь** еще и ешь сканец. Сегодня бабахи пекли, из оржаного пекли, **отбавишь** от теста из квашни на хлебы, потом, пожиге **разведешь**, ложкой кладут на сковороду и пекут, вот и бабахи. Сульчины со ржаной муки, **сучишь** скалом пресное тесто на маленькие блины. **Сучишь** тоненько, чуть-чуть пропекали в печи, потом в эти лепешки завятывали кашу с маслом. Есть ступа, картошку **толкем** на сканцы и курники пестом) или неопределенным субъектом (*Сульчины **пекли** из ржаной муки, они пресные. Сульчины из пресного ржаного теста, **раскатывали** лепешками, **испекут** и **начиняют** кашей, картошкой. **Кладут** по две в сковородку, **меняют** их местам, чтоб не пригорели, и **пекут**, когда печка топится. **Берут** пшеничную кашу на молоке, не жидкую, и эту кашу **кладут** на середку сульчины и **макают** в масло. Сульчина из ржаной муки, пресная, ее тонко **рассучивают** скалкой, потом **пекут** и **ложат** туда кашу горячую, а потом сразу **едят**. Из теста**

раскатывали блин, пекли его в печке, смазывали маслом, сверху клали начинку из картофельного пюре или из пшенной каши и сворачивали в трубочку).

Во всех приведенных контекстах повествователь является одновременно и действующим лицом, представленным определенно, обобщенно или неопределенно; на наш взгляд, это обусловлено типом знаний, которые являются содержанием диалектного дискурса, – это «опытные» знания, основанные на умениях самого рассказчика, вернее, рассказчицы, которые являются результатом коллективного опыта (так обычно делают).

Как представляется, субъектность диалектного дискурса проявляется в особой модальности повествовательных контекстов, когда информант выражает свое отношение к содержанию своего высказывания; такие контексты, как отмечалось ранее, относят к метаязыковым суждениям. В рассмотренных высказываниях информантов-диалектоносителей такие конструкции появляются в следующих коммуникативных условиях:

1) Когда диалектоносите́ль оказывается в речевой ситуации, когда он должен, используя средства разных речевых сфер, раскрыть содержание слова для носителя литературного языка. В этом случае он прибегает к тактике объяснения, акцентируя мотивирующий компонент значения диалектного слова: *Овсяники – это пироги таки носатеньки, с овсяной муки таки пироги. Тропанцы, гороховая мука тропается в холодной воды, получится тесто, пекут тропанцы, вроде гороховых оладьев. Раскатаю лепешку, из тыквы мездру выну, ... тыкву очистим да перерубим да кладем в пирог, это тыквенник.*

В роли комментирующего объяснения может использоваться рецепт, т. е. полное описание приготовления выпечки, которое завершается своего рода формулой отнесенности к собеседнику: *Делали пресное тесто, пекли лепешки, потом за вертывали в горячие лепешки творог или картошку и. допекали на сковороде перед пылом, вот и сканцы. Кокорку со ржаного тесто расколотят на столе, скалом рассучат и на сковороду и на пылу в печку, испечется, наладут творогу, потом сожмут и еще попекут, вот те и сканец. Сегодня бабахи пекли, из оржаного пекли, отбавишь от теста из квашни на хлебы, потом, пожиге разведешь, ложкой кладут на сковороду и пекут, вот и бабахи.*

2) Излагая рецепт приготовления выпечного изделия, информант прибегает к локализованности его названия, очерчивая сферы употребления «у нас» – «у них» при помощи метаоператоров называют, зовут: *Тесто пресное и кислое, белое и оржаное, пекут на сковороды покашники, не толстые, потом творог, наверху лежит. Сочни – одно и то же, кто покашники, а кто сочни зовут. Эвакуированы были из Руссы, калиткам звали, а у нас, покашники. Покашник – испеченная ватрушка в русской печке на пылу. Сначала пекут лепешку, колобушку-то, а затем намазывают творогом или картофелем. Иначе называют сканец. В Вербно воскресенье печешь каравашку, всей скотине дашь. Кто мякушка, кто каравашка, мякушкам-то раньше все звали.*

3) Субъектность повествования воспоминания проявляется в живой выразительности высказываний информантов, в речи которых представлены все признаки разговорности: непринужденность коммуникации, нарушения в передаче

последовательности описываемых действий, разного рода повторы. Это не просто информация для слушателя-собирателя, но и изображение [Гольдин, 2009] того события, участницей которого представляет себя рассказчица, повествование о себе и от себя: *Тыквенники яичком и маслицем польешь, с молоком и едим. Ох, вкусно, всю ночь бы прохлебал. Зашли мы с Егором к кумы в гости-то, а она положила нам сабинник-то во весь стол. Уж мы с им ели-ели, и еще больше половины осталось.*

Таким образом, диалектные контексты, иллюстрирующие употребление лексики, образующей тематическое поле *Печево*, можно рассматривать как коллективный диалектный дискурс, обладающий следующими показателями: целостностью (однотемностью), событийностью, субъектностью, которая формируется не только личными формами глагола, но, как показал анализ материалов НОС, и метаязыковыми показателями разного типа, а также выраженной или скрытой диалогичностью. Все это подтверждает мнение исследователей о том, что диалектный дискурс принципиально антропоцентричен, в центре излагаемых событий всегда находятся люди.

Выводы. Диалектный словарь оказывается не только систематизированным описанием лексической системы диалекта, но и лексикографическим произведением, в иллюстративной зоне которого отражается многоголосие диалектной речи, записанной от разных информантов, живописующих повседневное бытие сельского человека [Борисова, 2015а, с. 202]. Как представляется, изучение иллюстрирующих контекстов диалектных слов, объединенных по тематическому (идеографическому) принципу, позволит выявить типы диалектных дискурсов в зависимости от предмета речи, цели и условий общения, языковые средства выражения дискурсивности, описать возможные типы субъектов речи.

Исследование, результаты которого, не претендующие на полноту и завершенность, представлены в настоящей статье, – это только один из возможных путей изучения диалектного дискурса в лексикографической форме его существования. Новгородский областной словарь, а главное его картотека, созданные под руководством Веры Павловны Строговой, содержат необыкновенно интересный и обширный объем сведений о новгородском диалекте и его носителях, которые могут и должны стать основой уточнения как практических задач описания диалектного дискурса, так и связанных с этим теоретических вопросов, в частности, о методах и приемах дискурсивного анализа.

Литература

Арутюнова, Н. Д. (1990). Дискурс. *Лингвистический энциклопедический словарь* (с. 136–137). Москва: Советская энциклопедия.

Батулина, А. В. (2016). Метаязыковая рефлексия в иллюстративной зоне Новгородского областного словаря. *Диалектное и литературное слово. История и современность: сборник статей в честь 85-летия со дня рождения Антонины Васильевны Клевцовой* (с. 8–14). Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.

Большакова, Н. В. (2009). Взаимодействие дискурсов в диалектном тексте. *Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Серия: Филология*, 54, 7–10.

Борисова, О. Г. (2015а). Иллюстративная зона регионального словаря как лексикографическое произведение. *Вестник Омского университета*, 1, 199–202.

Борисова, О. Г. (2015б). Лексорассказ как форма подачи иллюстративного материала в диалектном словаре. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*, 15(3), 42–46.

Брыкина, Е. В. (2018). Этнокультурный потенциал диалектного словаря. *Вестник Кубанского государственного университета*, 3, 164–167.

Герд, А. С. (2005). *Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.

Гольдин, В. Е. (2009). Повествование в диалектном дискурсе. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*, 9(1), 3–7. <https://doi.org/18500/1817-7115-2009-9-1-3-7>

Грицкевич, Ю. Н. (2017). Диалектный дискурс как способ репрезентации реальности. *Псковские говоры и их исследователи: материалы конференции: в 2 ч. Ч. 1* (с. 98–106). Псков: Логос.

Демешкина, Т. А. (2017). Когнитивно-дискурсивный анализ диалектного текста. *Язык и метод: русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Лингвистический анализ на грани методологического срыва: в 3 т. Т. 2* (с. 137–146). Краков: Издательство Ягеллонского Университета.

Ильенко, С. Г. (2003). О контекстуальном компоненте толкового словаря: (на материале «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова). *Ильенко С. Г. Русистика: избранные труды* (с. 614–619). Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ имени А. И. Герцена.

Козырев, В. А., & Черняк, В. Д. (2016). Диалектный словарь в социокультурном контексте. *Слово. Словарь. Словесность: динамические процессы в языке, речи и словаре: материалы Всероссийской научной конференции* (с. 20–24). Санкт-Петербург: САГА.

Кривошлыкова, Л. В. (2010). К определению понятия «дискурс». *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 3, 42–47.

НОС (2010). *Новгородский областной словарь* Санкт-Петербург: Наука.

References

Arutyunova, N. D. (1990). Discourse. *Linguistic Encyclopedic Dictionary* (pp. 136–137). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. (In Russian).

Batulina, A. V. (2016). Metalinguistic reflection in the illustrative zone of the Novgorod Regional Dictionary. *Dialectal and Literary Word. History and Modernity: a collection of articles in honor of the 85th anniversary of Antonina Vasilyevna Klevtsova* (pp. 8–14). Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russian).

Bolshakova, N. V. (2009). Interaction of discourses in a dialect text. *Vestnik NovSU: Philology*, 54, 7–10. (In Russian).

Borisova, O. G. (2015a). The Illustrative area of regional dictionary as a lexicographical creation. *Herald of Omsk University*, 1, 199–202. (In Russian).

Borisova, O. G. (2015b). Lexostory as a form of providing illustrative material in a dialect dictionary. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 15(3), 42–46. (In Russian).

Brykina, E. V. (2018). Ethnocultural potential of the dialect dictionary. *Vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 164–167. (In Russian).

Demeshkina, T. A. (2017). Cognitive-discursive analysis of dialect text. *Language and Method: Russian in 21st-century Linguistic Research. Linguistic Analysis on the Verge of a Methodological Failure: in 3 vols. Vol. 2.* (pp. 137–146). Krakow: Jagiellonian University Press. (In Russian).

Gerd, A. S. (2005). *Introduction to ethnolinguistics: lecture course and reader*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press. (In Russian).

Goldin, V. E. (2009). Narrative in dialect discourse. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 9(1), 3–7. <https://doi.org/18500/1817-7115-2009-9-1-3-7> (In Russian).

Gritskevich, Yu. N. (2017). Dialectal discourse as a way of representing reality. *Pskov Dialects and Their Researchers: Conference Proceedings: in 2 parts. Part 1* (pp. 98–106). Pskov: Logos Publ. (In Russian).

Ilyenko, S. G. (2003). On the contextual component of an explanatory dictionary: Based on the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” edited by D. N. Ushakov. *Ilyenko S. G. Russian Studies: Selected Works* (pp. 614–619). St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ. (In Russian).

Kozyrev, V. A., & Chernyak, V. D. (2016). Dialect dictionary in the sociocultural context. *Word. Dictionary. Literature: Dynamic Processes in Language, Speech, and Dictionary: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference* (pp. 20–24). St. Petersburg: SAGA Publ. (In Russian).

Krivoshlykova, L. V. (2010). To the definition of «discours». *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3, 42–47. (In Russian).

Novgorod Regional Dictionary (2010). St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Prokhorov, Yu. E. (2006). *Reality. Text. Discourse*. Moscow: Flinta, Nauka Publ. (In Russian).

Прохоров, Ю. Е. (2006). *Действительность. Текст. Дискурс*. Москва: Флинта, Наука.

Скляревская, Г. Н. (2015). К вопросу о новых идеях и новых жанрах в отечественной лексикографии: «Лексика современного русского православия. Толково-энциклопедический словарь». *Слова и словари: сборник научных статей, посвященный профессору Валентине Даниловне Черняк* (с. 173–180). Санкт-Петербург: Свое издательство.

Строгова, В. П. (1991). *Как говорят в Новгородском крае*. Новгород.

Sklyarevskaya, G. N. (2015). On new ideas and new genres in Russian lexicography: "Vocabulary of contemporary Russian Orthodoxy. Explanatory and encyclopedic dictionary". *Words and Dictionaries: A Collection of Research Articles Dedicated to Professor Valentina Danilovna Chernyak* (pp. 173–180). St. Petersburg: Svoe izdatelstvo Publ. (In Russian).

Strogova, V. P. (1991). *As they say in the Novgorod region*. Novgorod. (In Russian).

Для цитирования:

Дидковская, В. Г. (2025). Диалектный словарь как источник лингвистической информации. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 3(17), 8–19. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3\(17\)-8-19](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-3(17)-8-19)

For citation:

Didkovskaya, V. G. (2025). Dialect dictionary as source of linguistic information. *VERBA. North-West linguistic journal*, 3(17), 8–19. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2\(16\)-8-19](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2(16)-8-19) (In Russian).